

государственным сановником. Даже могучая энергия Петра не в состоянии была сломить, искоренить это зло. Каждая ревизия какого-либо учреждения или губернии вела к открытию таких фактов в этом роде, что с трудом верится им¹.

Изменение общественных отношений в стране и политика ориентации на ведущие достижения стран Европы требовали избавления правосудия от пронизывающих его продажности и коррупции. Одним из важнейших начинаний Екатерины II и первой попыткой преобразований в области правосудия было создание Уложенной комиссии в 1767 – 1768 гг. Цели Комиссии Екатерина определила следующим образом: «Укрепить и защитить отечество...соблюсти законы...узаконить такие государственные учреждения, кои вели бы к соблюдению добраго во всём порядке»². В дальнейшем вся политика императрицы в области судопроизводства была направлена на достижение выше перечисленных задач.

Иванова И.И.

РОССИЙСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ КАК ЦЕНТРЫ КУЛЬТУРЫ

Общеизвестно, что народы, оказавшиеся в сфере влияния России, создавали перекрестье невероятного множества и разнообразия культур. Что же касается российской системы образования, то приходится признать, что таковая на самом деле никогда не была русской. Не была хотя бы потому, что кириллица как ее исток имела греческое происхождение. А еще потому, что в качестве системы российское образование, особенно высшее, всегда ориентировалось на те или иные западные образцы, в качестве главного среди которых утвердился немецкий. При этом немецкий остов российского образования, что примечательно, оказался таким крепким, что уже и Германия давным-давно забыла о своей былой академичности, уже и она перекроила свою образовательную систему до неузнаваемости, а порожденная ее культурой российская система до сих пор притягивает обстоятельностью и фундаментальностью каждого, кому необходим не просто диплом, а подлинное образование (в этом плане заслуживает внимания настроенность русских эмигрантов, предпочитающих в последнее время отправлять своих чад образовываться не в близлежащие Гарвард и Оксфорд, а теперь уже в отдаленные для них, российские центры образовательной культуры). Впрочем, о российской образовательной системе мимоходом говорить не пристало, и немного истории лишней здесь не окажется.

Грамотность среди самых широких масс населения, уже начиная с Киевской Руси, как известно, была обычным явлением³. Думается,

¹ Там же.

² Дитятин И.И. Указ. соч. С. 49.

³ Об этом свидетельствуют не только знаменитые берестяные грамоты, но и состояние внутренних стен Софийского собора в Киеве, исчерканных купеческими

это вряд ли было возможно без вполне сложившейся системы начального образования (а заодно и среднего, поскольку образовательной градации по таким уровням довольно долго не проводилось). Получали начальное образование в школах при церквях и монастырях (как, впрочем, и повсеместно в средневековой Европе), причем практика эта без особых изменений сохранялась вплоть до Октябрьской 1917 года революции. О качестве получаемых знаний при этом можно было судить, конечно, по-разному, но скорее всего это было весьма основательное, пусть даже порой всего лишь на начальной стадии, образование, уровень которого на практике измерялся фактически по двухбалльной системе: «знаю грамоте» или «не знаю грамоте». Понятно, что ближе к упомянутому 1917 г. образование уже вполне определенно подразделялось на начальное и среднее¹ (не говоря уже о делении на высшее и послевузовское), но должный уровень знаний обеспечивался непременно.

Началом же среднего (а в чем-то и высшего) образования в России можно считать, пожалуй, школы Ф.М. Ртищева (основа в 1648 г.) и Симеона Полоцкого (1665 г.), а не учрежденную Петром (в 1724–1725 гг.) при Российской Академии наук гимназию. Это были учебные заведения, которые хотя и функционировали в Москве, однако учебные программы базировали на украинских образовательных традициях, имевших своим истоком латино-польские, т.е. западноевропейские образцы.

Что касается среднего образования как системы, то и таковое начинать отсчитывать с момента учреждения первой гимназии вряд ли правомерно. Очевидно, подобный отсчет следует делать только со времени появления гимназий, функционировавших при Московском университете, – с середины XVIII в. (эти две гимназии – для дворян и разночинцев – просуществовали вплоть до 1812 г., успев только за первые семь лет своего существования подготовить 1800 выпускников). Полное же оформление системы среднего образования происходит к кон. XVIII в., когда правительством Екатерины II разрабатывается новая программа преобразований в области народного просвещения. Главным пунктом этой программы стало учреждение в России широкой сети средних учебных заведений – так называемых народных училищ разного уровня. Формальное завершение программа получила в 1803 г. после создания структуры учебных заведений четырех уровней.

подсчетами доходов и расходов, равно как любовной перепиской и нецензурной бранью.

¹ Если быть точным, то с 1803 г., когда в процессе очередной образовательной реформы было принято специальное положение об устройстве учебных заведений в России. В стране стали создаваться учебные округа, в которых имелись учебные заведения четырех уровней – приходские, уездные, губернские (или гимназии) и университеты. Именно они и составили единую преемственную систему образования с соответствующим университетом в центре каждого округа.

Высшее образование в России также, с точки зрения западной ментальности, начиналось нестандартно. И начиналось оно не с университетов, а с духовных академий (если, конечно, сбросить со счетов упомянутые выше школы Ф.М. Ртищева и Симеона Полоцкого) – Славяно-греко-латинской (1687 г.) и Киевской духовной (1701 г.). Однако параллельно с религиозным пыталось пробить себе дорогу и светское высшее образование¹. Сначала это была та самая, сопряженная с созданием Российской Академии наук, то есть не вполне удачная попытка². Однако уже через тридцать лет дело завершилось подлинным триумфом – основанием Ломоносовского, Московского университета, получившего эстафету (согласно тогдашней интеграционной практике) от европейских университетов³ и в дальнейшем передававшего ее еще многим и многим образовательным культурам. Ну, а ближайшее опекающее влияние знаменитый Московский оказал на Казанскую гимназию (с момента учреждения в 1758 г. находилась в его непосредственном ведении), Академию художеств (была подведомственной Московскому университету до 1764 г.), Славяно-греко-латинскую Академию (преобразована по университетскому образцу в 1775 г.), Дерптский (заново открыт в 1802 г.), Виленский (возобновлен в 1803 г.), Харьковский, Казанский (основаны в 1804 г.) и, конечно, Петербургский (1819 г.) университеты⁴. Он же стал родоначальником отечественного театрального, художественного, педагогического и много еще какого образования. Он же впервые сумел обеспечить преемственность всех основных этапов обучения. Он же стал безостановочным генератором всевозможных инициатив в плане приложения продуцируемых знаний.

На торжественном акте университета 26 апреля 1759 г. впервые производились в студенты выпускники университетских гимназий.

¹ Собственно, нестандартно начиналось в России и светское образование высшего уровня – как не российское.

² Понятно, что такая неудача носила относительный характер. В 1736 г., например, состоялась первая командировка студентов Академии для продолжения учебы в Германии. Это были М.В. Ломоносов, Д.И. Виноградов и Г.У. Рейзер, отправленные в Марбургский университет. Правда, уже в 1742 г. выпускник университета Петербургской академии М.В. Ломоносов составил в адрес императрицы Елизаветы «Нижайшее доказательство, что в Петербурге нет университета», открывая тем самым борьбу за открытие в России полноправного университета.

³ Если обратить внимание на высшее образование в мировой истории, то необходимо заметить, что рождалось оно как интегрально-универсальное, то есть как университетское. И первым университетом было хотя и возникшее на базе европейской (античной) культуры, но все же не европейское учебное заведение – Каирский университет, основанный в 973 г. арабским философом аль-Азаром. Следующим за ним стал Болонский университет, получивший такой статус в 1158 г., а до того бывший правовой школой (думается, совсем не случайно на рубеже XX–XXI столетий известный Болонский процесс будет ассоциироваться с этим, первым европейским, Болонским университетом).

⁴ Кроме того, в 1787 г. московскими профессорами был разработан «План университета», предназначенный для открываемых в будущем университетов в Екатеринославе, Пскове, Чернигове и Пензе.

В 1779 г. начала свою деятельность при университете педагогическая семинария, преобразованная в 1804 г. в Педагогический институт.

В 1766 г. было принято решение о необходимости для всех студентов минимального трехлетнего обучения на философском факультете до их поступления на «высшие факультеты».

В 1784 г. Указом Екатерины II профессора Московского университета включались в Комиссию по установлению народных училищ. В рамках этой деятельности выпускник университета П.И. Страхов был отправлен в заграничную поездку для изучения европейских университетов и гимназий, а профессор А.А. Барсов в 1788 г. написал «Российскую грамматику» для народных училищ.

В 1757 г. Московский университет получил право аттестации иностранных учителей, а в 1758 г. – право учащимся по предъявлении аттестата требовать продвижения по службе.

В 1767 г. преподаватели университета получили возможность чтения лекций на русском языке. В 1778 г. в университетской типографии была издана «Азбука татарского языка», автором которой был учитель из подведомственной Московскому университету Казанской гимназии С. Хальфин. В 1803 г. состоялось принятие «Предварительных правил народного просвещения», утверждавших основные принципы реформ образовательной системы в России. Страна делилась на шесть учебных округов, во главе которых должны становились университеты. Московскому университету давались права возводить в ученые степени по всем научным направлениям (при этом ученые степени приравнивались к должностным рангам государственной службы: кандидат – к 12, магистр – к 9, доктор – к 8 рангу). В 1805–1806 гг. при университете открылись различные больницы. В 1809 г. вышел Указ об обязательном для производства в чин коллежского асессора и статского советника государственном экзамене по университетской программе. Тогда же здесь были организованы специальные лекции для чиновников, желающих подготовиться к экзамену.

В 1824 г. библиотека университета стала работать в режиме публичной. В 1858 г. по инициативе профессоров Московского университета был организован Славянский благотворительный комитет, одной из целей которого являлось оказание помощи славянам, приезжавшим в Москву для получения образования.

В 1872 г. по инициативе профессора А.П. Богданова была открыта Политехническая выставка, из которой впоследствии возник Политехнический музей (1877 г.). Материалы одного из отделов Политехнической выставки послужили основанием для создания Исторического музея (открыт в 1883 г.). В том же году были открыты первые в России Высшие женские курсы (организованные профессором В.И. Герье).

В 1878 г. Совет университета постановил открыть подписку на сооружение памятника в г. Тырново (Болгария) в честь врачей,

фармацевтов и ветеринаров, погибших в войне 1877–1878 гг. Тогда же Совет принял решение о научном сотрудничестве с Хорватским университетом в Загребе.

В 1908 г. под руководством профессора Д.Н. Прянишникова были открыты Высшие сельскохозяйственные женские курсы. В 1912 г. состоялось открытие при университете Музея изящных искусств (сейчас – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина).

При всех своих правах и «вольностях»¹ Московский университет, однако, сначала не имел права присуждать ученые степени, а потому в кадровом отношении почти полностью зависел опять же от иностранцев – главным образом немцев. Такое положение дел уже в 1758 г. попытался исправить куратор университета И.И. Шувалов, организовавший для продолжения образования за рубежом (в Кенигсбергском университете) отправку первых «птенцов» Московского университета: студентов С.Г. Зыбелина, П.Д. Вениаминова и Д.Я. Ястребова, а также выпускников дворянской гимназии М.И. Афонина и А.М. Карамышева и выпускников разночинской гимназии И. Рыбникова и И. Свицова. Это была первая заграничная командировка московских студентов, целью которой являлось завершение подготовки первого поколения отечественной профессуры для Московского университета. Пожалуй, с этой даты можно начинать отсчитывать теперь уже и создание в России системы послевузовского образования. Как и полагается, последнее также носило исключительно интеграционный характер, причем в подавляющем большинстве возможных своих форм: междуровневости, междисциплинарности, межгосударственности, соединения образования с наукой, философии образования, синкрезии образовательных культур.

Конечно, это была уже иная, не начальное-университетская эпоха служившей «путеводной звездой» средневековой Европы, однако принципы построения образования в целом сохранялись общие, единые: «семь искусств» в качестве общеобразовательной основы, универсализм и фундаментальность получаемых знаний, философизированный рационализм как главный критерий и методологический базис, высочайший уровень абстрактности и теоретизации, отсутствие в обучении узко-прагматического подхода, факультетское структурирование университетского устройства (по аналогии с цеховой организацией), латынь в качестве языка межкультурного общения², демократизм и академические «вольности». Все эти принципы определялись главным в европейском (а теперь уже и российском)

¹ При обсуждении проекта об учреждении Московского университета М.В. Ломоносов настаивал на демократическом образце Лейденского университета.

² Несмотря на постепенный (начиная с 1767 г.) переход преподавания в России с латыни на русский, защищать диссертации там все равно предпочитали на родном общеуниверситетском, а не на родном национальном языке, напрямую, при этом, уязвывая обеспечение национальной независимости с возможностью приобщиться посредством этого самого общеуниверситетского языка к общемировой образованности.

образовании – его изначально и, судя по современному этапу, окончательно интегративным характером. Тем самым вся история европейской культуры подтверждала, что нет и не может быть узко-национальной системы образования.

В самом деле, поскольку образование является тем общим, что присуще всему цивилизованному человечеству, тем, что, собственно говоря, творит в человеке человеческое, оно, работая на создание общечеловеческого, вынужденно унифицируется. Узко-национальным в образовательной системе (именно в системе, а не стихийно-традиционалистском обучении) может быть в связи с этим лишь ведение каких-нибудь политических игр, разменной картой в которых делается то, что на самом деле должно оставаться непрременным козырем. И еще узко-национальным в такой системе можно, пожалуй, признать степень соответствия/несоответствия определенного национально-образовательного состояния некоторому идеальному, с точки зрения требований времени, образцу. Все прочее лишь маскируется под национальное и, как неизбежный итог, приводит к национально-культурной замкнутости, стагнации, добровольному расположению на задворках цивилизации. И любая псевдопатриотическая по этому поводу демагогия только лишний раз заостряет наше внимание на том, как неуютно жить в обществе повальных недоучек.

Между тем, всякая ли унификация свидетельствует о достижении действительно общечеловеческих ценностей? Какими должны быть качество и степень образовательного единообразия, чтобы за таковым не потерялась культура? Можно ли современный символ образовательной интеграции – пресловутый Болонский процесс – считать наднациональным ориентиром? Насколько соответствуют реальные тенденции развития этого Болонского процесса провозглашенным в Болонской же декларации целям? Возможно ли для некоторой национальной, в частности, российской системы образования, стать за счет соответствующих интеграционных механизмов одновременно и воплощением межнационального, наднационального такого идеала?

Идерова И.В.

ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ШКОЛЬНИКОВ

Правовое образование – понятие, выражающее специфическую сторону образования в целом. Так же, как образование, понимаемое в данном случае как способ позитивной социализации человека личности, правовое образование может быть по аналогии истолковано как способ положительной, т.е. правомерной, правовой социализации людей. Без правовой социализации было бы невозможно существование ни государства, ни коллективов, ни отдельной общности, ни общества. И это свойственно не только современной цивилизации, но вообще человечеству с тех самых времен, когда летопись истории начинается